

УДК 122: 116:159.947.24

<http://orcid.org/0000-0002-4766-1530>

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ НАЧАЛА, ПОВЕЛЕНИЯ И ВОЛИ В КОНЦЕПЦИИ ДЖ. АГАМБЕНА

Н.В. Шаповал, аспирантка кафедры теоретической и практической философии имени И.Б. Шада, Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

В статье исследуются взгляды Агамбена относительно природы повеления, а также роли начала и воли в процессе властвования. В ходе работы проводится анализ предлагаемой Агамбеном «археология повеления», противоречивой на первый взгляд, которая вместе с тем позволяет лучше разобраться в соотношении между началом (истоком) и повелением. Подробно рассматриваются повеление в качестве акта воли и теневая сторона могущества (власти), а также различие между ассертивом и перформативом, соответствующем двойственности западной онтологии.

Ключевые слова: повеление, начало, исток, «онтология *est*», «онтология *esto*», воля, могущество, власть.

Множество мыслителей, создавая универсальные теоретические модели мира и социума, неизменно касались вопросов власти и повеления. Различие мнений относительно власти объясняется не только различием философских и политических позиций ученых, но также сложностью и противоречивостью самого объекта исследования, который сам по себе имеет бесконечное число граней, находится в постоянном изменении и развитии.

Однако у всего, что развивается и трансформируется, существует своё начало и исток. Целью данной статьи является анализ предлагаемой Джорджем Агамбеном «археология повеления», на первый взгляд, довольно противоречивой, которая вместе с тем позволяет разобраться в соотношении между началом (истоком) и повелением.

Джорджем Агамбен в работе «Что такое повелевать?» представляет своё исследование археологии повеления, целью которого является лингвистический анализ понятия «повеление» с тем, чтобы попытаться ответить на вопрос «Почему люди повелевают?». Философ замечает, что сама формулировка «археология повеления» представляет собой противоречие. Дело в том, поясняет автор, что археология – это поиск некоего начала, истока. Однако «греческий термин *arche* имеет два значения: он означает

как «исток», «начало», так и «повеление», «приказ». Так, глагол *archo* означает не только «начинать», «первым делать нечто», но ещё и «повелевать», «быть главой» [1, с. 22]. Таким образом, идея истока рождает идею повеления, быть первым, делая нечто, означает также и быть во главе этого нечто. Подтверждение данному тезису Агамбен находит в Библии, а именно в Евангелии от Иоанна. Оно начинается словами «En arche, в начале был Логос, было Слово», а слово, которое предшествовало всем вещам, утверждает философ, может быть только повелением. Поэтому более правильным переводом, по его мнению, мог бы стать не перевод «В начале было Слово», а «В повелении – то есть в форме приказа – было Слово» [1, с. 24].

Более того, *arche* не только повелевает рождением того, что оно «начинает», но также является и его управляющим принципом, то есть тем, что руководит его ростом, развитием и циркуляцией. «Идёт ли речь о бытии (существовании), об идее, о знании или о практике, во всех этих случаях начало – это не просто пролог, который может исчезнуть в последующем; наоборот, исток никогда не прекращает начинать, то есть повелевать и управлять тем, что он вызвал к бытию» [1, с. 26]. И снова подтверждение данному тезису Агамбен находит, обращаясь, во-первых, к теологии, где Бог является не только Началом мира, но также и его правителем через непрерывный процесс творения, без которого мир не смог бы существовать. Во-вторых – к гуманитарным наукам и философии, где присутствует «конститутивная связь между истоком вещи и её историей, между тем, что основывает и начинает, и тем, что ведёт и правит» [1, с. 26].

Действительно, тот, кто начинает «рождает» нечто, даёт ему бытие, а вместе с ним и принцип его существования, ведь невозможно, чтобы нечто возникло просто так, случайно, бесцельно, как некая пустая форма и чистая возможность. Предположим, учёный, который начинает разработку нового устройства по каким-то причинам прекращает ею заниматься. Его дело продолжает кто-то другой, то есть повелевает «дальнейшей жизнью» новой разработки. Если этот второй будет развивать разработку, не соотнося её с

первоначальным замыслом, а делать всё на собственное усмотрение, то он, по сути, начнёт нечто иное и это уже не будет продолжением ранее задуманного. Таким образом, в «начале» уже заложен дальнейший процесс «повеления», начинание является первым моментом повеления. Но поскольку начать можно только единожды, далее начало продолжает существовать в форме повеления, как в длящемся процессе.

В мысли Хайдеггера понятие *Arche* также выполняет важную функцию. В его концепции истории бытия понятие истока и повеления глубоко взаимосвязаны, вплоть до полного совпадения друг с другом. «Здесь начало никогда бы не могло стать прошлым, оно никогда не прекращает быть в настоящем, так как обуславливает историю бытия и повелевает ею» [1, с. 27].

Хайдеггер соотносит немецкие понятия «история» (*geschichte*), глагол «посылать» (*schicken*) и «судьба» или «посыл» (*geschick*), делая вывод о том, что историческая эпоха является тем, что уже было ранее послано неким началом, которое в скрытом виде действует в том, что оно повелело и послало.

В связи с проблемой соотношения истока и повеления позднее появились две интерпретации Хайдеггера: анархическая и демократическая. Автор первой – Райнер Шюрман в работе «Принцип анархии» предпринял попытку разделить исток и повеление, с тем, чтобы прийти до «чистого истока». Противоположную интерпретацию предложил Жак Деррида, которую Агамбен назвал демократической. Это была попытка убрать исток и оставить чистый императив «Интерпретируй!».

Из всего вышеизложенного философ делает вывод о том, что у повеления не существует *arche*, поскольку повеление и есть само *arche*. Таким образом «место» истока и повеления совпадают. «Для повеления не существует *arche*, так как само повеление и есть *arche* — или же оно, по крайней мере, располагается в месте истока» [1, с.29].

Агамбен замечает, что существует множество исследований, касающихся причин повиновения, но нет почти ничего о причинах повеления. Он утверждает, что власть определяется в первую очередь своей способностью

повелевать, а не заставляют подчиняться. «Власть перестаёт существовать не тогда, когда ей не повинуются более или менее в полной мере, но тогда, когда она перестаёт отдавать приказы» [1, с. 30]. До тех пор пока отдаются приказы, всегда найдётся хотя бы один человек, который будет их выполнять. Власть перестаёт существовать, когда она перестаёт отдавать приказы, то есть, когда исчезает повеление.

Своё исследование археологии повеления философ начинает с анализа лингвистической формы понятия «повеление» и поиска ответов на вопросы «Что такое повеление с точки зрения языка? Какова его грамматика и какова его логика?» [1, с. 32]. Вначале он обращается к Аристотелю, который установив разделение между языковыми высказываниями, исключил повеление из поля зрения западной логики и философии. Согласно Аристотелю существуют два типа речи, два Логоса: высказывающей или апофантический и невысказывающий. Первый выявляет бытие вещи и может быть либо истинным, либо ложным, второй – не является высказывающим, не выявляет бытие или небытие какой-либо вещи, а, следовательно, не может оцениваться с точки зрения истинности или ложности (мольба, приказание, угроза, рассказ, вопрос и ответ) [1, с. 34]. Последний тип речи философ отнёс к искусству красноречия и стихосложения, которым логика не должна интересоваться.

Таким образом, благодаря Аристотелю невысказывающий дискурс оказался на столетия исключённым из поля зрения западной логики, находясь в компетенции риториков, моралистов и теологов. И только в XX веке исследователи вновь обратили своё внимание на «дискурс, выражаемый в повелительном наклонении».

Агамбен задаётся вопросом о том, что такое императив, отмечая при этом, что не стоит полагать, будто его значение заключается лишь в акте его исполнения. Императив реализуется, по его мнению, уже в тот момент, когда его произносят. «Так, приказ, данный офицером солдатам, реализуется самим фактом своего произнесения; то, что его исполняют или игнорируют, ни в

кчем случае не отменяет его действительности» [1, с. 39]. В мире ничто не соответствует императиву, утверждает философ. По этой причине юристы и моралисты говорят, что императив подразумевает не бытие, а долженствование-быть. Однако и этого различия между бытием и небытием оказывается недостаточно для понимания смысла императива.

Вслед Э. Бенвенистом Агамбен развивает определение императива как «голой семантемы». Он утверждает, что императив как таковой «не передаёт ничего, кроме самого себя, а голая семантема «идти» используется не для того, чтобы нечто сообщить или описать некое отношение с каким-либо положением вещей – но в форме повеления» [1, с. 43]. «Онтологическое отношение между языком и миром здесь не утверждается, как в высказывающем дискурсе, а сообщается в повелении» [1, с. 44]. Однако, это всё же онтология, только не в форме «есть», но в форме «будь!», которая «описывает не отношения между языком и миром, а распоряжается и повелевает таковыми отношениями» [1, с. 44].

Агамбен выделяет в западной культуре две взаимосвязанные онтологии: онтологию апофантического высказывания, которая выражается в индикативе и онтологию повеления, выражаемую в императиве. Первую он называет «онтологией *esti*» (форма третьего лица индикатива глагола «быть» в греческом языке), а вторую – «онтологией *esto*» (соответствующая форма императива). Онтология *esti* управляет полем науки и философии, тогда как онтология *esto* определяет поле права, религии и магии, образующие сферу, в которой язык всегда существует в форме императива [1, с. 45-46].

На протяжении истории западной культуры эти две онтологии непрерывно пересекаются между собой, сталкиваются и вновь объединяются. Отсюда, заключает Агамбен, западная онтология представляет собой биполярную машину, полюс повеления которой, на протяжении столетий, в античную эпоху, был скрыт высказывающей онтологией, и который с наступлением христианства вновь приобрёл свою значимость [1, с. 47].

Для понимания той важности, которая определяет онтологию

повеления Агамбен обращается к работе Остина «How To Do Things With Words», в которой автор относит повеление к категории перформативов, высказываний, которые не описывая ничего внешнего, а просто будучи высказанными сами по себе, «производят как факт то, что они означают. Например, произносящий клятву простым фактом произнесения: «Я клянусь», – реализует факт клятвы» [1, с. 48].

Лингвисты не дают объяснения, как функционирует перформатив, каким образом слова могут трансформироваться в факты. Агамбен утверждает, что различие между ассертивом и перформативом соответствует двойственности западной онтологии: «перформатив отражает в языке пережитки той эпохи, когда отношение между словами и вещами не было апофантическим, но, скорее, принимало форму повеления...перформатив представляет собой перекрёсток двух онтологий, где онтология *esto* приостанавливает и заменяет онтологию *esti*» [1, с.49].

В настоящее время, утверждает философ, перформатив становится всё более популярным не только среди лингвистов, но и в среде юристов, теоретиков искусства, а также философов, что позволяет сделать предположение о том, что в современном обществе онтология повеления вытесняет собой онтологию утверждения. «В своего рода возврате вытесненной религия, магия и право – а вместе с ними всё поле неапофантического дискурса, до сих пор отбрасывавшегося в тень – на самом деле тайно управляют функционированием наших обществ, притязаящих на то, чтобы быть светскими и секулярными» [1, с. 50]. В мнимо демократических обществах онтология повеления существует не явной форме приказа, а принимает формы уведомления, совета, приглашения таким образом, что повиновение становится как бы сотрудничеством и повелением самому себе. Сюда относится не только сфера рекламы, но также и сфера технологических диспозитивов. Субъект, который ими пользуется, думает, что имеет над ними власть, но на самом деле нажимая на клавиши, называемые «командами», «он только и делает, что повинуется повелению, вписанному в саму структуру диспозитива» [1, с 51].

В философской традиции повеление часто определяется как акт воли, однако что означает «хотеть»? Агамбен, следуя тезису Ницше, который, переворачивая объяснение, утверждает, что «хотеть» значит «повелевать». Итак, получается воля волит, то есть повелевает, но в таком случае, чем повелевает воля?

У древних греков понятие «воля» не существовало. Однако если попытаться проследить истоки того процесса, который предшествовал его возникновению, то мы обнаружим другое понятие – мощь или власть. Если «греческая философия отводит центральную роль понятиям мощи (могущества) и возможности, то христианская теология – а впоследствии философия эпохи модерна – помещает волю у себя в центре. Если античный человек – это существо мощи, существо, которое может, то человек эпохи модерна – это существо воли, существо, которое хочет (волит) [1, с. 54].

Переход от мощи к воле, определяющую эпоху модерна, Агамбен показывает на примере предельного случая мощи, а именно – божественного всемогущества. Божественное всемогущество получило статус догмата, однако данная аксиома вызвала некоторые скандальные последствия. Поскольку божественное всемогущество – абсолютно, из этого следует, что Бог вполне мог бы «воплотиться не в Иисуса, а в червя или – нечто ещё более скандальное – в женщину, и даже осудить Петра и спасти Иуду, или лгать и творить зло, или разрушить всё своё творение, или – вещь, которая, не знаю почему, как будто бы возмущает и в то же время сверх меры возбуждает дух теологов – вернуть девственность обесчещенной женщине» [1, с. 59].

Иными словами у могущества (власти) существует теневая сторона, злая и иррациональная. Возникает вопрос о том, каким образом возможно обуздать эту обратную сторону могущества. Средневековые схоласты решают его, разделив божественное всемогущество на две части: абсолютное и упорядоченное. «De potentia absoluta означает, что в том, что касается могущества, рассмотренного в самом себе и, так сказать, абстрактно, Бог может сделать всё, сколь бы скандальным это нам ни казалось; однако de potentia

ordinata, то есть согласно порядку и повелению, которые Бог навязал своему всемогуществу волей, он может делать лишь то, что решил делать» [1, с. 61].

Таким образом, воля ограничивает и обуздывает божественное всемогущество, тем самым, делая возможным упорядоченное управление миром. Так и человек, подобно Богу, говорит Агамбен, может и должен преодолеть теневую сторону своего могущества. Поэтому отвечая на вопрос «Чем повелевает воля?» философ отвечает: «то, чем повелевает воля, есть не что иное, как могущество» [1, с. 62].

Подводя итог нашего исследования о соотношении понятий начала, повеления и воли в концепции Дж. Агамбена отметим следующее:

- Идея истока (начала) рождает идею повеления, следовательно, быть первым, делая нечто, означает также и быть во главе этого нечто. Более того, *arche* не только повелевает рождением того, что оно «начинает», но также является и его управляющим принципом, то есть тем, что руководит его ростом, развитием и циркуляцией. У повеления не существует *arche*, поскольку повеление и есть само *arche*.

- В западной культуре существует две взаимосвязанные онтологии: онтология апофантического высказывания, которая выражается в индикативе и онтология повеления, выражаемая в императиве. На протяжении истории западной культуры эти две онтологии непрерывно пересекаются между собой, сталкиваются и вновь объединяются. В современном обществе онтология повеления постепенно вытесняет собой онтологию утверждения.

- Воля играет решающую роль в процессе повеления. Она ограничивает и обуздывает могущество (власть), тем самым, кладя предел хаосу и произволу властвующего начала и делая возможным упорядоченное управление.

Литература

Агамбен Дж. Что такое повелевать? / Дж. Агамбен. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2013. – 72 с.

Хайдеггер М. Бытие и время: [электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/bitie_i_vrema.

ПРО СПІВВІДНОШЕННЯ ПОНЯТЬ ПОЧАТКУ, ПОВЕЛІННЯ І ВОЛІ
В КОНЦЕПЦІЇ ДЖ. АГАМБЕНА

Н.В. Шаповал

У статті досліджуються погляди Агамбена щодо природи веління, а також ролі начала і волі у процесі владарювання. В ході роботи проводиться аналіз запропонованої Агамбеном «археологія веління», суперечливої на перший погляд, яка разом з тим дозволяє краще розібратися у співвідношенні між началом (витоком) та велінням. Докладно розглядаються веління як акт волі і тіньова сторона могутності (влади), а також відмінність між асертивом і перформативом, яка відповідає подвійній природі західної онтології.

Ключові слова: веління, начало, виток, «онтологія esti», «онтологія esto», воля, могутність, влада.

ABOUT THE CORRELATION OF THE CONCEPTS OF SOURCE, COMMAND AND
WILL IN THE G. AGAMBEN'S CONCEPTION

N. Shapoval

The article represents an investigation of Agamben's views on the nature of the command, as well as the role of the source and the will in the process of ruling. In the course of the work the "archeology of command" proposed by Agamben is analysed. It is contradictory at first glance, but at the same time it allows to understand better the correlation between the beginning (source) and the command. The command as an act of will, the shadow side of power and the difference between assertive and performative, which corresponds to the duality of Western ontology are considered in detail.

Agamben identifies two interrelated ontologies in the Western culture: the ontology of the apophantic utterance, which is expressed in the indication and ontology of the command, expressed in the imperative. The first he calls the "ontology of esti" (the form of the third person of the indicative of the verb "to be" in Greek), and the second – "ontology esto" (the corresponding form of the imperative). The ontology of esti governs the field of science and philosophy, whereas ontology esto defines the field of law, religion and magic, forming a sphere in which language always exists in the form of an imperative. Throughout the history of Western culture, these two ontologies continuously intersect each other, collide and reunite. Western ontology is a bipolar machine, the pole of whose command, over the centuries, in the ancient era, was hidden by an expressing ontology, and which, with the onset of Christianity, once again acquired its significance.

In the course of the work it was found, that the idea of the source (the beginning) gives rise to the idea of command. Therefore, to be the first to do something also means to be at the head of this something. Moreover, arche not only commands the birth of the fact that it "starts", but also is its governing principle, that is, that which guides its growth, development and circulation. The command does not exist arshe, because the command is arshe itself. In Western culture, there are two interconnected ontologies: the ontology of apophantic utterance, which is expressed in an indicative and ontology of command, expressed in the imperative. Throughout the history of Western culture, these two ontologies continuously intersect each other, collide and reunite. In modern society, the ontology of the command gradually displaces the ontology of affirmation. Will plays a decisive role in the process of command. It restricts and restrains power thereby putting the limit of chaos and arbitrariness of the ruling principle and making it possible for orderly management.

Keywords: command, beginning, source, "ontology esti", "ontology esto", will, might, power.